

II. НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

А. Г. Шкваров

ЧАСТИ ФИНЛЯНДСКОГО КОРПУСА И ФИНСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЙСКА В 1812 ГОДУ*

На момент окончания последней войны со Швецией численность русской армии в Финляндии составляла от 50 тыс. человек в январе 1809 г. до 39 тыс. человек в апреле того же года¹. К началу 1812 г. численность войск была сокращена до 30 тыс. Эти войска находились под общим командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгеля, который являлся одновременно генерал-губернатором Финляндии. Он был командующим войсками Финляндского корпуса и начальником 6-й пехотной дивизии². Их всего было 32 батальона, 8 эскадронов, 3 казачьих полка и 102 орудия. Практически все части, входившие в состав Финляндского корпуса, являлись обстрелянными, опытными в боевом отношении полками, за исключением Литовского и Подольского. Три морских полка 25-й дивизии, которая была, фактически, прообразом современной морской пехоты, также участвовали в боях с французами в период кампании 1806 г. на острове Корфу и в последней войне со Швецией.

Следует обратить внимание на вновь образованный Литовский пехотный полк. Он был сформирован 22 октября 1809 г. из 2-го батальона Фридрихсгамского гарнизонного полка и Вильманstrandского гарнизонного батальона, под названием Свеаборгского гарнизонного полка, в составе четырёх батальонов. 11 января 1811 г. из 12 рот Свеаборгского гарнизонного полка был образован трёх-батальонный Литовский мушкетёрский полк, названный 22 февраля 1811 г. пехотным.

*Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 8177 от 26 июля 2012 “Проблемы идентичности в истории стран Европы и Америки в эпоху Нового и новейшего времени”.

Что из себя представлял личный состав гарнизонных полков? К нему обычно относились те, которые не годились в строевые части, т.е. были неспособны нести полевую службу. Например, в нижних чинах состояли беззубые, увечные, без пальцев на руках или ногах, близорукие, глухие, хромые, преклонного возраста, так как в рекруты забирали от 19 до 60 лет. Помимо этого, в гарнизонные полки или батальоны могли списывать полевые части собственных больных и слабых солдат и набирать взамен оттуда лучших. Туда же отправлялись служить и те, кого называли «порочными», т.е. склонными ко всякого рода преступлениям, от которых избавлялись помещики вместо ссылки в Сибирь и отдавали в рекруты³.

Помимо этого, сама по себе гарнизонная служба была более похожа на полицейскую, включая и охрану заключенных, причем часовые находились в постоянном общении с арестантами, так как им полагалось нести охрану внутри помещений, где содержались последние, что отнюдь не способствовало улучшению моральных качеств солдат. Их подкупали, уговаривали пронести в камеры водку, спаивали, склоняли помочь в побеге.

Формирование нового полка в начале 1811 г. осуществлялось во исполнение Высочайшего Указа, по которому надлежало из 53-х гарнизонных полков и батальонов империи сформировать 13 полевых полков, а оставшихся людей использовать на создание 39 гарнизонных полубатальонов внутренней стражи. Таким образом, из 4-х батальонов Свеаборгского крепостного полка было набрано лучших людей на три батальона, остальные распределены в Нижегородский, Ярославский, Владимирский и Костромской полубатальоны. Однако, судя по всему, отправка людей затягивалась. Так, например, в метрической книге церкви Иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость» при Гельсингфорском военном госпитале отмечено миропомазание 23 февраля 1812 г. «швецкой вольной девки Евдокии», где восприемником числился «Костромского полубатальона унтер-офицер Осип Сачковский»⁴.

Не лучшим образом обстояло дело и с офицерским составом. Новым штатом было предусмотрено 60 офицеров, однако из старого гарнизонного полка было отобрано всего 34 человека, 20 штаб- и обер-офицеров направлены были в указанные выше полубатальоны, прочие отставлены от службы. Позднее, из числа отобранных офицеров еще четверо было «за болезнью» переведено в гарнизонные части, трое уволены «за болезнью» со службы, двое – «по дурной аттестации» и еще двое – «за пьянство»⁵.

Еще раз, возвращаясь к морально-нравственной стороне, можно отметить два момента: во-первых, в крепости Свеаборг за 1810–1811 гг. «от вольной продажи вина... внесено в казну откупщиками 30 447 руб.»⁶. Учитывая продажную стоимость ведра вина (т.е. водки) 4 рубля, можно легко сосчитать, что гарнизон крепости выпил за два года не менее 7600 ведер водки, или около 93 тыс. литров, это не считая казенной порции – 4 чарки (1 чарка = 1/100 ведра, т.е. 123 г.) в неделю. Последствия – т.н. водянка или асцит, т.е. цирроз печени, от которого только в 1812 г. в Гельсингфорском военном госпитале скончалось более 100 человек⁷.

Помимо смертельной опасности, пьянство действовало явно отрицательно и на несение службы. Так унтер-офицер Захаров, конвоируя команду арестантов из Свеаборга в Гельсингфорс, позволил им зайти по пути в кабак, совместно выпить, что явилось причиной побега троих из них, при следовании по льду залива. Виновный был бессрочно разжалован в рядовые⁸.

Кроме пьянства, были весьма распространены венерические болезни. В 1812 г. от сифилиса скончалось 51 человек, в т.ч. 12 из Литовского пехотного полка, что составило 7% от всех умерших⁹.

Тем не менее, полк постепенно превращался в настоящую боевую часть. Недокомплект командного состава был восполнен переводом нескольких опытных офицеров из старых полевых полков – Невского, Петровского и других, а также за счет воспитанников 1-го и 2-го кадетского корпусов.

Однако, проблемы оставались. Поскольку Литовский полк продолжал квартировать в крепости Свеаборг, то от гарнизонной службы его никто не освобождал. Основное направление обучения – строевая выправка и здесь полк преуспел, что было отмечено самим императором Александром I во время его встречи с наследным шведским принцем Карлом Йоганном Бернадотом в Або в августе 1812 г., когда все войска Финляндского корпуса были стянуты к столице Великого Княжества для Высочайшего смотра. Со стрелковой подготовкой дела обстояли хуже. Но здесь причины одинаковые для всей русской армии: солдату отпускалось в год для учебных стрельб 6 боевых и 40 холостых патронов.

Учитывая союзнические отношения Швеции и России в предстоящей борьбе с Наполеоном, в неизбежности которой сомнений ни у кого не было, первоначальным планом предусматривалась отправка 25-тысячного Финляндского корпуса в Швецию для совместных действий, как на севере, против Норвегии, так и на юге – против Дании, с высадкой

части войск на острове Зеландия, а затем и в Померании. Однако, переход Наполеоном в июне 1812 г. Немана резко поменял планы. Отступающие русские армии нуждались в поддержке. На встрече с Бернадотом в августе 1812 г. было решено, что Финляндский корпус незамедлительно отправляется в Лифляндию на помощь армии П. Х. Витгенштейна, прикрывающей Петербург. К 1 октября планировалось вернуться в Финляндию и приступить к выполнению прежних планов, чему не было суждено свершиться¹⁰.

К переброске в Ригу были отобраны все полки 6-й дивизии, 21-я дивизия полностью, Финляндский драгунский полк, донской казачий Лощина полк, а также две артиллерийские роты – 21-я батарейная и 11-я легкая, всего около 17 тыс. человек. Большая часть войск переправлялась посредством торговых судов из Гельсингфорса, 2-й и 44-й егерский полки с Аландских островов, Подольский пехотный полк – из Або. Еще до посадки на суда выяснилось, что по погодным условиям место высадки переносилось вместо Риги к Ревелю, откуда все пешим маршем должны были двигаться к первоначальному пункту сбора¹¹.

Батальоны пехотных полков имели различное предназначение. При выступлении в поход действующими считались первый и третий батальон, второй числился резервным и выделял необходимое количество людей для пополнения первых двух. Для отправки в Лифляндию от полка был сформирован особый усиленный батальон, состоящий из 1-го батальона полного состава и рядовых 3-го батальона. Офицеры, унтер-офицеры и музыканты 3-го батальона оставались вместе со 2-м батальоном в крепости и вошли в состав бригады запасных батальонов 21-й дивизии под командованием подполковника 2-го егерского полка Мейера. Общая численность десантного отряда Литовского полка – 1308 человек.

В дальнейшем Литовский полк в составе Финляндского корпуса вошел в армию П. Х. Витгенштейна и получил боевое крещение 7 октября 1812 г. при Полоцке, участвовал в сражениях при Чашниках, Старом Борисове и Студянке. В 1813 г., перейдя Вислу, полк вошел в состав корпуса, блокировавшего Данциг, затем был передвинут к Познани. Участвовал в сражении под Лейпцигом, при Краоне, Лаоне и Париже в 1814 г.¹²

16 февраля 1815 г. полк возвратился в Гельсингфорс, 131 нижний чин получил памятные медали¹³.

В качестве особой приметы 1812 г. для Финляндии необходимо также отметить то, что в этом году было начато формирование национальных финских войск. 6 сентября 1812 г. состоялся Высочайший рескрипт на имя

исполнявшего обязанности генерал-губернатора Финляндии Г. М. Армфельда¹⁴, содержащий правила «составления и устройства финляндских войск». Этим же рескриптом дозволялось сформировать 3 егерских полка двухбатальонного состава по 600 человек в батальоне с оговоркой, что «не будет сие войско употреблено иначе, как на случай нападения неприятеля на Финляндию или на другие владения Российской империи на берегах Балтийского моря»¹⁵.

Попытки создания неких национальных частей предпринимались и ранее. Так Высочайшими Указами в 1809–1810 гг. предполагалось сформировать 1-й Финляндский полк, который укомплектовывался «не рекрутами, а вербовочными людьми из новоприобретенной Финляндии». Срок службы должен был составить 6 лет¹⁶. Таких добровольцев оказалось 631 человек, из которых было 293 шведа, последних в 1811 г. направили в Або в распоряжение Цесаревича Константина Павловича для последующей отправки в Швецию. Сама часть была расформирована¹⁷.

В начале 1812 г. в морскую крепость Свархольм прибыла из Петербурга рота, на вербованная из проживавших в Санкт-Петербургской губернии финнов. Впредь приказано было ее пополнять также за счет вербовки¹⁸.

Вплоть до начала войны с Наполеоном императору Александру I представлялись на рассмотрение различные проекты о восстановлении финских национальных войск численностью от 2000 до 12 000 человек. Основная цель, которую преследовали лица, представляющие подобные проекты, заключалась в одном – избавить Финляндию от присутствия русских войск или сократить их до минимума, ограничив крепостями. Напомним, что в период шведского правления численность финских войск составляла: поселенных – 9500 человек, вербованных – 6000 человек.

Тяжелое положение империи в первый год войны с Наполеоном вызвало необходимость соответствующего рескрипта об образовании финских егерских полков. Первоначально предполагалось содержать их за счет добровольных пожертвований, т.е. без участия сейма и бюджета Великого Княжества. Однако таких пожертвований было собрано всего 160 тыс. руб. ассигнациями¹⁹. Реальные же затраты составили: в 1812 г. – 386 тыс. руб., в 1813 г. – 426 тыс. руб., в 1814 г. – 418 тыс. руб.

Первым был сформирован егерский полк под командованием ландсгевдинга (губернатора) Выборга Карла Шернвала. Это объясняется довольно просто – в последние годы перед присоединением (в декабре 1811 г.) Выборгской губернии к остальной Финляндии, рекрутский набор

здесь осуществлялся на общих для всей России основаниях – по 5 душ с 500 человек²⁰.

Сложности были с вербовкой офицеров. Большинство из них не желало служить по той причине, что жалование в русской армии было намного меньше прежнего, в шведской. Проблемой являлся языковой барьер, отсутствие материала для пошива формы, а также утвержденного образца, недостаточность вооружения и т.д. Тем не менее, 14 февраля 1813 г. состоялся первый смотр полка, так как Высочайшим рескриптом от 28 января 1813 г. полку надлежало отправиться в Петербург для несения гарнизонной службы, где он находился с 29 февраля 1813 г. по 31 августа 1814 г. Итог пребывания полка в столице – 25% умерших от болезней, 11,5% – дезертиров. Только в течении одного месяца с 28 мая по 28 июня 1813 г. 20 человек были отданы под суд и приговорены к прогнанию сквозь строй за попытку побега. В дальнейшем, после возвращения в Финляндию, егерские полки были переименованы в линейные батальоны²¹.

В 1812 г. был учрежден корпус военных топографов, на который отпущено из казны 12 тыс. руб. в год. Размещался он в бывшем королевском имении Хаппаниеми, неподалеку от Куопио, в его составе было 11 офицеров и 6 штатных кадет, причем обязательно 2 офицера и 2 кадета должны были быть русскими. Со временем штат увеличился до 18 офицеров и 2 статских преподавателей, число обучающихся кадетов доходило до 60 человек. В 1819 г. корпус был переведен во Фридрихсгамн и переименован в Финляндский кадетский корпус²².

---

²⁰На 1 января 1809 г. 52 439 чел. (*Михайловский-Данилевский*. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841. С. 353). В Финляндский корпус входили: 6-я пехотная дивизия (в соответствии с реформами военного министра Барклая-де-Толли с 1810 г. пехотная дивизия состояла из 6-ти полков, соединенных в 3 бригады), состоявшая из Брянского, Низовского, Азовского пехотных полков, 3-го егерского полка, 6-й артиллерийской бригады (2-я бригада 6-й дивизии была выведена в Архангельск и состояла из Углицкого пехотного и 35-го егерского полков); 21-я пехотная дивизия, состоявшая из Петровского, Подольского, Невского, Литовского пехотных полков, 2-го и 44-го егерских полков, 21-й артиллерийской бригады; 25-я пехотная дивизия, состоявшая из 1-го, 2-го, 3-го морских полков, Воронежского пехотного полка, 31-го, 47-го егерских полков и 25-й полевой артиллерийской бригады; кавалерию корпуса составляли два драгунских полка –

Финляндский и Митавский, а также донские казацкие полки Исаева 2-го, Лощина и Кисилева 2-го.

²*Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Императора Александра I. СПб., 1909. С. 422.

³*Павлюк К. К.* История 51-го Литовского пехотного Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка. 1809-1909 гг. Т. I. Одесса, 1909. С. 12.

⁴Mikkelin maakunta-arkisto. Helsingin sotilassairaalan ortodoksisen sotilasseurakunnan arkisto. I Са:1 Metrikka 1812-1815. S. 3.

⁵*Павлюк К. К.* История 51-го Литовского пехотного Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка... С. 19.

⁶*Бородкин М. М.* История Финляндии... С. 424

⁷Привести точную цифру не представляется возможным, т.к. заполнявший метрическую книгу священник не указал причины смерти более чем у ста человек из 772 умерших в 1812 г. См.: Mikkelin maakunta-arkisto. Helsingin sotilassairaalan ortodoksisen sotilasseurakunnan arkisto. I Са:1. Metrikka 1812-1815. S. 7-24

⁸*Павлюк К. К.* История 51-го Литовского пехотного Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка... С. 74-75.

⁹Mikkelin maakunta-arkisto. Helsingin sotilassairaalan ortodoksisen sotilasseurakunnan arkisto. I Са:1. Metrikka 1812-1815 S. 7-24.

¹⁰*Павлюк К. К.* История 51-го Литовского пехотного Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка... С. 32.

¹¹Там же.

¹²Военная энциклопедия. Т. XV. СПб., 1914. С. 17.

¹³*Павлюк К. К.* История 51-го Литовского пехотного Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка... С. 64.

¹⁴В связи с тем, что генерал-лейтенант Ф. Ф. Штейнгель находился в действующей армии.

¹⁵*Бородкин М. М.* История Финляндии... С. 442.

¹⁶ Закон от 13.10.1809 г. Полное Собрание Законов Российской Империи. (Далее - ПСЗ РИ). Выпуск первый. Т. 30. СПб., 1830. № 23905. С. 1212; и закон от 10.10.1810. ПСЗ РИ. Т. 31. № 24374. С. 388.

¹⁷*Бородкин М. М.* История Финляндии... С. 422.

¹⁸Там же. С. 423.

¹⁹Там же. С. 440.

²⁰ПСЗ РИ. Выпуск первый. Т. 30. СПб., 1830. №№ 23848, 23849 от 19.09.1809. С. 1157-1162.

²¹*Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808-1809. Helsinki, 1997. P. 55.

²²*Postnikov A. V.* Contact and conflict: Russian mapping of Finland and the development of Russian cartography in the 18th and early 19th centuries // *Fennia 171:2*. Helsinki, 1993. P. 81-88.